

БИБЛИОТЕКА АЛЬМАНАХА «СЛОВЕСНОСТЬ»

Книжная серия
«Визитная карточка литератора»

БОРИС ЯКУБОВИЧ

МИРАЖИ АНТИОХА

Проза, пьеса, исторический очерк, исследование

СОЮЗ ЛИТЕРАТОРОВ РОССИИ
МОСКВА

Вест-Консалтинг
2012

Б. А. Якубович. МИРАЖИ АНТИОХА. Проза, пьеса, исторический очерк, исследование. — М.: Вест-Консалтинг, 2012. — 60 с.

Борис Александрович Якубович – драматург, прозаик, публицист. Родился в Москве, печататься начал в студенческой многотиражке. Автор нескольких книг, в том числе исторических романов «У врат исхода», «Марина», отдельно изданной пьесы «Иов», сборника исторических очерков «Магия истории», публицистики, исследований. Глубоко и всесторонне изучает историю и культуру античности, Древнего Египта, востоковедение, библеистику, историю России. Его статьи и исследования постоянно появляются на страницах газет, журналов, альманахов. Драматургические работы автора легли в основу ряда постановок московского театра «Мистерия-Н». Борис Якубович неизменный автор альманаха «Словесность». В серии «Визитная карточка литератора» читатель имеет возможность познакомиться с исторической повестью «Миражи Антиоха», давшей название всей книге. Центральным персонажем неканонических библейских «Книг Маккавеев» является сирийский Царь Антиох 4-й, методом террора попытавшийся встроить духовную систему ценностей иудаизма в греческую культуру. Помимо анализа этой интересной темы, представленной как в вышеназванной повести, так и в историческом очерке «Фiasco Антиоха», Б. А. Якубович представляет на суд читателей рассказ-эссе о трагических событиях последних дней великого полководца Ганнибала, а также мелодраматическую пьесу «Шок», созданную по мотивам реальных событий из жизни известной итальянской актрисы Сильваны Пампанини.

Инна Васильева

ISBN 5-86676-081-9

Заказное издание
Книга выпущена в авторской редакции

- © Б. А. Якубович, 2012
- © Инна Васильева, составление, предисловие, 2012
- © Союз литераторов России, идея издания, 2012
- © Вест-Консалтинг, оригинал-макет, верстка, 2012

МИРАЖИ АНТИОХА

Историческая повесть

Антиох 4-й Эпифан – правитель знаменитого царского рода Селевкидов, ведущих свое происхождение от сподвижника и друга Александра Македонского Селевка Никатора.

Эта, по своему яркая, неординарная личность причудливо соединила в себе главные недостатки греков (он являлся потомком эллинов), римлян (он долгие годы прожил в Риме и впитал в себя худшие черты народа-покорителя мира) и народов Востока (так как он правил в стране, где в пестром полиэтническом котле смешались ассирийцы, сирийские арамеи, племена Финикии и Ханаана, эллинизированные иудеи и многие другие народы).

Он был зол и вспыльчив, болезненно тщеславен и непомерно эксцентричен, невероятно сластолюбив, крайне подозрителен и мстителен!

Действительно ли он был таким патологическим антисемитом, каким его представляют позднейшие источники? Возможно, он просто замышлял создать некое однородное пространство, в котором можно было повсеместно и беспрепятственно насаждать эллинскую религию и культуру.

В извечной погоне за деньгами, которых ему всегда недоставало, он предал осквернению и поруганию не только иерусалимский Храм, но и святилища многих богов Востока!

Этот человек закончил свои дни в жестоких страданиях, а праздник Хануки, в создании которого его отрицательная роль общеизвестна, сделался символом победы над силами Зла, олицетворяемых в образе Антиоха!

175-164 г. г. до Новой эры

Вступление

Удушливый смрад тягучими испарениями тянется через узкий притвор овального полуокна. Струи липкого пота насквозь пропитывают отяжелевший, узорчатый гиматий. Временами он силится стянуть с себя невыносимо тесное одеяние и, тогда, низкое походное ложе, добытое из шатра пленного набатейского вождя, начинает жалобно поскрипывать под тяжестью истомленного, исхудавшего тела.

Силы стремительно убывают, подобно уходящему в песок ручью, а пересохшая гортань, способная лишь издавать хриплые, бессвязные звуки, лишённая даже капли живительной влаги, мучительно горит.

Где-то вдали за окном слышатся печальные, надрывные напевы маленькой финикийской флейты-гингры, некогда любимые, а ныне сделавшиеся ненавистными. Страшный призрак надвигающейся смерти, олицетворенный мерзким обликом чернокрылого Таната, ясно возникает в сознании, сковывая холодом ужаса непослушные, вялые ноги и отдаваясь режущей болью в опавшем чреве.

Почему же грозный Призрак столь страшен душе его именно теперь, когда огромное тело, еще недавно сильное и послушное, постоянно томимое ненасытными желаниями, ныне пребывает бессильным и обмякшим, неспособным даже призвать на помощь караулящих у спальни телохранителей.

Странно и непостижимо! Еще продолжает питаться жизненными соками тело, любовной щедростью богов наделенное нечеловеческой мужской силой! Еще пульсирует в жилах кровь, препятствуя угасающему сердцу навеки замереть в широкой груди! Еще мелькают в утомленном, ослабевшем мозгу слабые всполохи уплывающих в Лету воспоминаний о былом Блеске и Величии! Но все чаще и продолжительнее черная пелена мрака, окутывающая душу, все заунывней и тоскливее звуки гингры, призывающие в мрачные глубины Аида!

«Антиох!» – радостно воскликнул кто-то. «Антиох! Антиох!» – зашелестели робкие голоса в разных углах темной клетки. Измученные жалкие узники бурно радовались низвержению Звероподобного, долго державшего в жестоком страхе всю камеру.

Человеком, к которому отовсюду неслись ликующие возгласы несчастных, действительно был младший сын Великого сирийского царя Антиоха 3-го, носивший одно с ним славное имя, который после поражения сирийской армии от римлян, согласно древнему обычаю гордых победителей, оказался заложником в Вечном городе.

В Риме юный отпрыск династии Селевкидов получил на свое содержание значительную сумму, что позволило ему вести роскошную, расточительную жизнь и сблизиться с представителями благороднейших римских родов.

С ранних лет Антиох обнаружил недюжинные способности к математике и философии, а, проникнувшись учением Эпикура, провозгласил принцип наслаждения высшим стремлением и основой жизни, без усталости эпатируя добропорядочных римских граждан экстравагантными выходками.

По ночам, облачившись в пурпурные одежды, в шумной компании скоморохов, могильщиков, гладиаторов и юных блудниц, он шатался по темным и грязным тавернам и лупонариям столицы.

Иногда, сопровождаемый кем-нибудь из молодых римских повес, Антиох появлялся в ювелирных мастерских, где оживленно беседовал с рабами-литейщиками, изготавливающими золотые и серебряные украшения для сладострастных римских матрон.

Завоевав широкую известность среди плебеев, Антиох в простом сером гиматии часто выходил на Форум и, раздавая щедрые подачки, просил отдать голоса на ближайших выборах за своего ставленника или приятеля. Увы, не будучи римским гражданином, он был не вправе сам занимать выборные должности в многоярусной магистратуре Республики, но в тщеславных мечтах часто сиживал в специальном курульном кресле из слоновой кости, блестяще разбирая запутанные тяжбы.

Находясь в самой гуще кипучей жизни могущественного Рима, Антиох вел обширную переписку с иноземными дворами. Через доверенного слугу Эвдема, он постоянно посылал нижайшие уверения в преданности и любви своему старшему брату, сирийскому царю Селевку, занявшему престол после смерти отца. В ответных посланиях честный и простоватый Селевк неоднократно предлагал младшему брату походатайствовать перед Сенатом о возвращении Антиоха на родину, обещая высочайшие посты в государстве, однако тот, под благовидными предлогами, неизменно уклонялся, предпочитая тайно интриговать против брата в самом Риме.

К этому времени Антиох сблизился с молодым римским патрицием Авлом Опитернием, юношей богатым и крайне развращенным. Опитерний предложил Селевкиду вступить в запрещенную секту вакхантов и принять участие в оргиастических представлениях. Пылкому, чувственному, раздираемому страстями Антиоху – завсегда таю лупонариев и иных сомнительных притонов, предложение пришлось явно по вкусу. Он дал требуемую клятву, проделал соответствующие обряды и был допущен к мистериям, которые проводились на вилле богатой патрицианки Пакуллы Ании – верховной жрицы Вакха.

В ту ночь, кроме Опитерния и Антиоха на вилле находились сыновья жрицы Вакха, близнецы Минний и Геренний, бледный, застенчивый юноша Эбутий, а также наряженные вакханками красивые рабыни. После сурового и мрачного церемониала Посвящения и последовавшего далее обильного возлияния, Авл Опитерний, в чьем бездонном желудке находилось не менее трех больших амфор цекубского, сорвал с себя праздничную латиклаву и двинулся к ложу верховной жрицы.

«О Вакх – возлюбленный сын Юпитера! – внезапно возопила жрица, грациозно сбрасывая с себя прозрачный пеплос. – Утоли муки страждущих, насыть чрева сочными плодами, напои божественными дарами златоспелых виноградинок твоих!»

Маленькая гибкая рабыня, чьим единственным одеянием являлся узкий позолоченный пояс из кожи гремучей змеи, принялась разбрасывать по залу гроздь

даров Ваखा, в то время, как полуобнаженная бронзоволицая египтянка протянула своей госпоже два остро отточенных блестящих кинжала.

«Да родится Радость Вахх из бедра всемогущего Юпитера!» – громко воскликнула жрица и острыми лезвиями полоснула себя вдоль красиво очерченных выпуклых бедер. Это явилось сигналом к началу безумной вакханалии!

В охватившем всех вихре сладострастного волшебства, никто не заметил, как трепещущий Эбутий тихо выскользнул из пиршественного зала и, подогреваемый безмерно волнующими впечатлениями минувшей ночи, направился к дому знаменитой римской куртизанки Гиспалы, чтобы на ложе из благоуханных цветов поведать красавице о своем Посвящении в тайны запретных мистерий.

Выпроводив поутру истомленного ее ласками Эбутия, будучи платным осведомителем Сената, Гиспала донесла обо всем услышанном консулу Постумию Альбину. Для любвеобильных почитателей Вахха наступили черные дни, ибо консул начал действовать быстро и решительно. Неподражаемая Пакулла Ания, ее пылкие сыновья, Авл Опитерний и ряд других участников мистерий были приговорены к смерти и сброшены с Тарпейской скалы. Юному Эбутию в течение двух лет было запрещено появляться в Риме.

С превеликим трудом, благодаря дружеским связям с консулом Альбином и другими сенаторами, уплатив огромный выкуп в 300 талантов, Антиох сумел избежать позорной казни, но был вынужден провести несколько тяжелых, унижительных дней в смрадных подземельях Мамертинской тюрьмы среди разношерстного, преступного сброда.

Выйдя, наконец, на свободу, молодой Селевкид принял решение на некоторое время затаиться, живя скромно и неприметно.

Царственный интриган

В шумной, многолюдной толпе римских граждан, возвращавшихся с Бега колесниц из Большого цирка, двигался высокий человек в сером плебейском плаще, наброшенном поверх голубой туники. Возвышаясь над гражданами почти на целую голову, он небрежно окидывал пространство вокруг орлиным взором черных, немного навывкате, блестящих глаз и хриплым голосом (последствия тюремного климата) требовал посторониться.

«Клянусь Юпитером! – заметил какой-то лудильщик своим приятелям. – Хотя мы и обязаны этим варварам устройству прекрасных Мегаленских игр, я вовсе не намерен терпеть их наглость!»

«Оставь, – бросил другой, – эти пучеглазые греки сумели таки растрясти наш тяжеловесный и неповоротливый Сенат, благодаря чему, теперь в Риме много веселых предсталений!»

Антиох (а это был он) уже не расслышал дальнейшей болтовни праздных бездельников, так как бурлящая толпа вынесла его к Капенским воротам, где у колоннады храма Дианы, прислонясь к цоколю, уже стоял низкорослый, щуплый человек, закутанный в такой же, как у него самого, серый неприметный плащ. При появлении Антиоха незнакомец порывисто шагнул навстречу, словно порываясь пасть на колени.

«Тихо, тихо, мой Эвдем! – селевкидский династ больно стиснул руку слуги сильными, крючковатыми пальцами. – Клянусь Аполлоном, эти подлые квириты следят за мной, и я не поручусь за то, что Сенату ни известен каждый мой шаг! Какие новости привез ты?»

«О, мой василевс! – визгливо воскликнул Эвдем. – Клянусь Афиной Палладой, час твоего торжества недалек!»

«Вы, афиняне всегда слишком поспешны, – глухо произнес Антиох, при этом отвернувшись, дабы скрыть торжествующий блеск глаз, – я еще не царь!»

«Но ты скоро станешь им, о божественный, ибо твой замысел блестяще удался!»

«Ну, так что же Селевк?» – нетерпеливо спросил Антиох, пристально глядя на слугу пронизывающим взглядом. Вместо ответа Эвдем распахнул плащ и извлек небольшой, туго набитый мешок. «Здесь послания твоих преданных сторонников! – прошептал афинянин. – А, что касается твоего божественного брата, то он, увы, мертв!»

Однако ожидаемой радости при этом известии на лице своего господина Эвдем не увидел.

«Богам было угодно призвать его на свой пир! – с лицемерной грустью произнес Антиох, – Но мне известно, что власть захватил узурпатор Гелиодор, который желает прервать нашу славную династию! – его глаза налились кровью, но он быстро взял себя в руки и, как ни в чем ни бывало, спокойно добавил: – Здесь не место для серьезных бесед. Неподалеку есть маленькая таверна, хозяин которой всецело предан мне, отправимся туда!»

Вскоре слуга и господин уже сидели в уютной таверне, приткнувшейся к самому подножью Авентинского холма, напротив белокаменного храма Юноны, которая, разумеется, и носила имя этой божественной супруги Юпитера. Хозяин кабака, маленький, горбатый фессалийский грек, давно кормящийся щедрыми подачками знатного чужеземца, закрыл за посетителями тяжелую дубовую дверь, предварительно выставив на улицу двух полупьяных зеленщиков, после чего, раболепно выгибая тощую спину, склонился к уху Антиоха и что-то почтительно прошептал.

«Потом! – недовольно бросил Селевкид. – А, впрочем, очищение плоти способствует принятию мудрых решений! Зови свою дочь, старик!»

Хозяин мгновенно исчез, и в тот же миг, в полуоткрытую дверь комнаты для знатных посетителей тихо впорхнуло стройное, длинноногое создание, которую лукавый владелец таверны упорно выдавал за свою дочь.

При виде ее суровое лицо сирийского принца оживилось: «Елена! – в голосе господина изумленному Эвдему почудились непривычно ласковые нотки. – Елена! Воистину, ты не напрасно носишь имя прекраснейшей женщины Эллады, воспетой великим Гомером! Утоли мою жажду и возрадуй дух!»

Девушка благодарно взмахнула черными ресницами и изящным движением поставила на стол маленький серебряный поднос с запечатанной амфорой фалернского. Натянувшийся хитон обозначил ее округлые, скульптурные формы.

«Она немая, – пожирая девушку жадным взором, воскликнул Антиох, обращаясь к Эвдему, – но, клянусь золотыми кудрями Афродиты, безусловно владеет языком любви!»

В этот момент Елена со змеиной ловкостью освободилась от скользнувшего на пол хитона и, сверкая огромными синими глазами, как кошка, прыгнула на колени знатного гостя. Ощувив ее волнуемое прикосновение, Антиох быстрым движением сорвал с амфоры тяжелую восковую печать и, резко запрокинув красивую голову Елены, влил в ее нежное горло изрядное количество темнобордового вина. Бледный, сгорбленный афинянин отвернулся, дабы не лицезреть постыдной наготы своего господина, и тактично заткнул пальцами большие, как у летучей мыши, волосатые уши.

Пока Антиох, блаженно прикрыв очи, приходил в себя, девушка незаметно исчезла. Наконец, царский отпрыск открыл глаза и, глубоко вздохнув, большими, жадными глотками допил оставшееся в амфоре вино. Затем он оправил весьма измятое одеяние и, словно продолжая прерванный разговор, произнес все еще томным голосом: «Говори, мой Эвдем!»

Исполнительный уроженец Афин торопливо извлек из мешка лоскут пурпурной материи и бережно положил на стол. «Сие – от одеяния покойного василевса!» – благоговейно прошептал слуга.

«Мир праху Украшения нашего рода! – небрежно проговорил Антиох, безучастно взглянув на материю. – Что там еще?»

Эвдем поспешно достал из мешка и суетливо разложил на столе покрытую мелкими письменами, выдолбленную баранью шкуру.

«И я – потомок царского рода должен брать в руки эту гадость! – гневно вскричал Антиох. – Мои номархи не могли отыскать для меня свиток пергамента!»

«О, божественный! – испуганно возразил Эвдем. – Если бы меня задержали, пергамент привлек бы внимание!»

Антиох брезгливо пожал плечами и нетерпеливо развернул послание. «...Наш богоравный! – выпренне писал Андроник, один из преданных Антиоху номархов. – Зевс был благосклонен к твоему замыслу! Однако ныне, обуреваемый тщеславием Гелиодор возомнил себя полновластным правителем державы и алчет водрузить на свою голову, подобную винному бочонку, царскую тиару Селевкидов!..» – далее следовали бессчетные уверения в любви и преданности, а также перечислялись имена людей, готовых ради него на смерть.

Антиох отложил послание и презрительно усмехнулся: «Преданность этих льстецов щедро оплачена моим золотом! – он доверительно положил тяжелую ладонь на плечо слуги. – Мой верный Эвдем! Ты – единственный из всех, кто достоин высших почестей и наград, потому что искренне любишь меня!»

Внезапно он разразился громким, раскатистым смехом, мощно исторгнутым могучим чревом. Смеясь, он раскачивался в кресле, увенчанном ажурным бронзовым рельефом, напоминающем иудейский орнамент, и смех его был столь заразителен, что неулыбчивый, серьезный слуга позволил себе почтительно прыснуть в рукав.

«Однако, ловко же мне удалось проделать все руками этого борова Гелиодора! – давясь хохотом, с трудом выговорил Селевкид. – Ты помнишь, Эвдем, мое смиренное послание к нему?»

«О да, мой господин! – с чувством воскликнул афинянин, – Ведь я лично передал твой свиток в его недостойные руки!»

«Помнится, там были такие слова, – утирая слезы и еще дрожа от неотступного смеха, продолжал Антиох, – «...Богоравный Наместник, светлейший Гелиодор, да осветит могучий Гелиос яркими лучами твой земной путь!.. Приди же и спаси державу, и я – династ царского рода Селевкидов буду смиренно служить тебе!» – Антиох вновь захохотал.

«Осмелюсь напомнить Повелителю, что сей тщеславный номарх возомнил себя равным Великим Богам и воздвиг свою nepотpeбную статую в Дельфах, близ Святилища Оракула!»

Высокородный заложник помрачнел, его черные, выкаченные глаза налились кровью. Проклиная себя за неуместную болтливость и, опасаясь гнева господина, Эвдем затаил дыхание. Однако, к счастью, буря прошла стороной, и лицо Селевкида постепенно прояснилось.

«Ты писал мне о странном приключении Гелиодора в иудейском Храме, но я не совсем уяснил себе его смысл. Что же там произошло в действительности?»

«Повинуюсь, о мой василевс! – с готовностью отозвался афинянин, облегченно вздохнув. – Месяц назад узурпатор прибыл в Иерусалим, дабы установить новый налог с иудеев, пользовавшихся покровительством твоего пресветлого Родителя!»

«Да, отец был слишком милостив к этому подлому племени! – желчно проронил Антиох. – Ну, продолжай!»

«Клянусь божественной покровительницей моего города Афиной Палладой – каждое мое слово истинно! – по-собачьи преданные, бесцветные глаза Эвдема раболепно сияли, – Верховный жрец иудеев Ония наотрез отказался платить сверх обычной подати. Когда же Гелиодор гневно напомнил ему о сокровищах Храма, разъяренный жрец заявил, что сокровища принадлежат грозному Богу иудеев и могут быть изъяты только его Волеизъявлением. «Так огласи волю вашего Бога! – усмехнулся на это Гелиодор. – Ты, вроде как его наместник и евреи поверят тебе!» «Волю Бога может огласить только сам Бог! – смело ответил Ония. – Сокровища останутся в Храме, пока Господу не будет угодно распорядиться ими!»

«Клянусь Аполлоном, неслыханная наглость! – яростно взревел Антиох, в гневе швырнув на пол пустую амфору, разлетевшуюся по комнате веером темных брызг. – Что же дальше?»

Поклонившись и смиренно прижав руку к груди, верный слуга продолжал: «Охваченный яростью Гелиодор приказал солдатам немедленно занять Храм, однако

воины, охваченные страхом перед неведомым, но грозным Божеством, о могуществе которого ходит столько легенд, наотрез отказались исполнить повеление!»

«Вот каковы хваленые сирийские воины! Так-то можно полагаться на их верность!» – исказившееся лицо Антиоха пылало злобой.

«Успокой свое сердце, о любимец богов! – со слезами в голосе воскликнул Эвдем. – То была не прославленная гвардия Селевкидов, а всего лишь, лидийские наемники!»

Царственный интриган с поразительной легкостью переходил от беспредельной ярости к столь же безудержному веселью, и через мгновение, к большому облегчению слуги, его физиономия, обрамленная жесткой курчавой бородой, заметно прояснилась. Кивком головы он велел Эвдему продолжать.

Когда лидийцы отказались следовать за Гелиодором в Святилище, надменный номарх презрительно бросил им: «Презренные трусы! Я один пойду в логово еврейского Бога и докажу лживость его жрецов!»

«Толстоброухому не откажешь в храбрости!» – с неудовольствием пробормотал Антиох.

«Когда Гелиодор вошел в Храм, – афинянин почему-то понизил голос и пугливо оглянулся, – он поразился окружающим тишине и безлюдью. Пройдя мимо Главного Зала еврейских жрецов из Синедриона, он увидел впереди яркий свет, исходивший от сверкавшего золотом Алтаря! Сокровищница была где-то совсем близко! Но, когда номарх сделал несколько неуверенных шагов к иудейской Святыне, внезапно пространство вокруг затянуло голубым туманом, а из под купола Храма спустилась гигантская фигура всадника в золотом шлеме, сверкавшего горящими, кроваво-красными глазами! Огромное копьё над головой этого чудовища, окруженное сияющим ореолом, было нацелено прямо в сердце сирийского визиря! Гелиодор страшно закричал, как раненый заяц, и потеряв сознание, распростерся на полу!»

«Не выдержал “прославленный” полководец! – иронически бросил Антиох. – Впрочем, довольно о ничтож-

ном! У нас имеются дела поважнее! – он доверительно склонился к слуге, – Слушай же, мой Эвдем! Час, завещанный мне богами пробил! Ныне должно исполниться предначертанное! Я рожден для великих деяний! Римский Сенат коварен и хитер, но, подобно ядовитой змее в руках опытного змеелова, он лишен смертоносных зубов, ибо я купил его с потрохами! Путь к заветному престолу Сирии открыт! Надменные квириты убеждены, что я стану их послушным орудием! Пусть же они пребывают и дальше в этом заблуждении!»

Рухнув на колени, маленький афинянин самозабвенно целовал ноги своего господина: «О, мой василевс! Я уже вижу тебя, восседающим на священном троне Селевкидов!»

Могучей рукой Антиох приподнял с пола преданного слугу и рывком притянул к себе. Лицо его сделалось страшным: «Никто и ничто не сможет помешать моим планам! Ну, а я... я сегодня должен исполнить долг перед богами Олимпа и покарать предательство!»

Кровавая ночь

Человек огромного роста, до подбородка закутанный в темное покрывало, неслышно ступая, вошел в большой, украшенный богатой колоннадой дом, уютно расположенный на углу улицы Свободы. Подобно тому, как золото проникло в башню Данаи, оно же открыло перед ним путь, ведущий к широкой мраморной лестнице, устланной пышным ковром розовых лепестков, которая плавно вела в покои блистательной римской куртизанки.

Наступило время третьей стражи, но, несмотря на столь поздний час, прекрасная жрица любви бодрствовала. Мягкий, матовый свет струился из-под резного сводчатого потолка, причудливо и ласково освещая сильное, упругое тело, едва прикрытое прозрачным пелосом.

Мечтательно полузакрыв глаза, Гиспала Феценция медленно перебирала длинными, тонкими пальцами нежные струны серебряной арфы. Тихая музыка была столь прекрасна и печальна, что человек в плаще на мгновение застыл на пороге, потрясенный удивительной гармонией красоты. На ажурном туалетном столике, выточенном из цельного ствола ливанского кедра, были небрежно разбросаны страусовые опахала с рукоятками из слоновой кости, искрящиеся блеском алмазов драгоценные ожерелья и унизанные жемчугом, изящные гребни для волос, вырезанные из панциря африканской черепахи.

Внезапно, дивная музыка прервалась, ибо Гиспала ощутила не себе чей-то жадный, зловещий взгляд. Она подняла голову и увидела застывшую на пороге мрачную, устрашающую фигуру. Прекрасное лицо куртизанки исказилось от ужаса. Она попыталась дотянуться до большого медного диска, на звук которого мгновенно появлялись послушные ее воле рабы, но силы, почему-то, оставили ее.

«Кто бы ты ни был, дерзкий, открой свое лицо!» – сдавленным голосом едва смогла вымолвить красавица.

Человек в плаще резким движением откинул тяжелый капюшон и Гиспала с ужасом и отвращением узнала в незванном пришельце известного всему Риму своей необузданной похотливостью и скандальными похождениями титулованного варвара. Неожиданное открытие вернуло ей силы, доселе скованные страхом. «Ко мне! На помощь, Табуба! Сюда, Эврипил! Эй, Мне-силох!» – громко закричала женщина.

Дикий, хриплый, утробный смех сотряс могучую фигуру Антиоха. «Ты призываешь тех, кого здесь нет, о жемчужина Великого города! Золото заставило твоих верных рабов предать свою госпожу! – он помрачнел и жестко закончил. – Что ж, это не удивительно, ибо презренный металл может сделать грязным доносчиком даже благородную римлянку!»

Гиспала Феценция отчаянно застучала маленьким, позолоченным молоточком по выпуклой чаше медного диска. Оглушительный звон разнесся в просторных по-

мещениях Большого дома, казалось, заполнив собой всю длинную, извилистую улицу.

Наслаждаясь беспомощностью жертвы, Антиох еще некоторое время продолжал издевательски хохотать, затем, словно повинувшись велению свыше, внезапно замолк. Смуглое лицо его совсем потемнело и теперь дышало смертельной неумолимой ненавистью, черная, курчавая борода шевелилась, подобно клубку ядовитых змей. В два звериных прыжка он достиг ложа прекрасной куртизанки, выхватил из складок плаща короткий, трехгранный кинжал и, неуловимым движением разрезал узкую полоску тончайшей материи, скрепленную на плече женщины маленькой, изящной фибулой, в форме розового лепестка. Нежный пеплос с легким шелестом упал к ее ногам, обнажив молочно-белое, словно высеченное из нумидийского мрамора, дивное тело.

Несмотря на высокое искусство владения оружием, Селевкид все же задел ее плечо и тоненькая алая струйка крови побежала вниз по налитой, как спелый, сочный плод, округлой груди, по стройному, упругому бедру, маленькой точеной ножке, расплзаясь уродливым оранжевым пятном на мягком, ворсистом ковре.

Смертельный ужас вновь овладел всем ее существом и лишил всякой способности сопротивляться убийце. Овладев беспомощной жертвой, Антиох стискивал железными пальцами ее нежное горло, наслаждаясь стонами и слезами несчастной и упиваясь ее муками.

Постепенно силы оставили Гиспалу и, когда утренний свет стал пробиваться сквозь неплотно затянутые овальные прорези окна, жестокий палач осознал, что сжимает в объятиях, лишь окровавленный, истерзанный труп. Тогда, с ужасным проклятием он выпустил из рук то, что еще недавно являлось божественно прекрасным телом, отшвырнул ногой изломанную, серебряную арфу, из недр которой искусные пальцы прелестной куртизанки извлекали нежные, трепетные звуки и, приблизившись к окну, слегка раздвинул золототканную занавесь.

Великий город еще не пробудился ото сна и, лишь где-то в отдалении слышались гортанные выкрики покидавшей улицы Рима ночной стражи.

«Сладостна месть, угодная богам! – задумчиво прошептал Антиох. – Да будет столь же сладостной долгожданная, заветная власть!»

Иллюзия власти

«...Если боги будут благосклонны ко мне, я даю обет выстроить прекраснейший храм Юпитеру Капитолийскому в моей столице, и Сирия навсегда станет дружественной и послушной Великому Риму!..»

Эти льстивые, верноподданические слова он произнес в ночь тайного заседания Сената, где решался вопрос о военной помощи ему – законному наследнику престола в борьбе против узурпатора Гелиодора. Ха-ха-ха! Подлые, надменные квириды, толстобрюхие и чванливые, упоенные своим мнимым могуществом и величием! Он использовал вас, продажных и хищных, как используют жалкую, безотказную девку в грязных притонах Субуры ради удовлетворения минутного приступа вожделения! Теперь же, могучий и свободный он устремляется к достижению Великой цели, для которой рожден!..

...Во главе десяти синтагм (рот), вооруженных до зубов и всецело преданных ему, как могут быть преданы воины щедрому и счастливому Полководцу, он ехал в сверкающей золотом колеснице по широким улицам сирийской столицы Антиохии, заполненной ликующими толпами народа.

С обеих сторон колесницы горделиво восседали в седлах юные телохранители, прекрасно владеющие сокровенными тайнами высшего наслаждения своего Повелителя. Их литые, упругие тела источали пьянящий аромат, возжигавший кипение любовной страсти Антиоха.

«...Копьем я вспахиваю землю и пронзаю живот противника! – поют марширующие каппадокийские прачники, облаченные в короткие желтые туники, перехваченные бронзовыми поясами. – Враг падает к ногам моим и умоляет о пощаде!»

Чуть поодаль, на тонконогом, белогривом скакуне едет тяжело страдающий от невнимания пресветлого василевса, верный афинянин Эвдем, возведенный за неоценимые заслуги в высокий ранг стратега, к неудовольствию родовитых аристократов. К его седлу привязан черный кожаный мешок, хранящий в своих недрах победную реликвию, обработанную специальным составом голову узурпатора Гелиодора, умерщвленного им лично.

Под пронзительные звуки фанфар, верхом на быстрых арабских жеребцах, сверкая начищенными доспехами и золочеными шлемами, на храмовую площадь выехали воины гвардии василевса и, выстроившись двумя овальными полуколоннами, замерли на месте. Вновь призывно прозвучали трубы и из распахнувшихся золотых ворот царского дворца, полуобнаженные нубийцы вынесли пурпурно-лиловые носилки, украшенные яркими страусовыми перьями. Над горящей огнями площадью вознеслась праздничная эмблема династии Селевкидов, увенчанная огромной головой нумидийского льва, в чьих глазницах сияли кроваво-красные рубины.

Под восторженные крики и рукоплескания возбужденной толпы, Антиох пересел из золотой колесницы в царские носилки и проследовал к храму Афродиты, где, выстроившись полукругом, его уже смиренно ожидали высшие жрецы древних богов Эллады. Немного особняком стояли римские жрецы Марса, дабы находящиеся в войске гордые потомки Ромула могли принести молитвы своим богам.

В трехстах шагах от храма, селевкидский династ вышел из носилок и благоговейно опустился на колени. В воцарившемся на площади безмолвии прозвучал мерный рокот тамбуринов и от шеренги высоких духовных лиц медленно отделился бритоголовый верховный жрец Афродиты. Приблизившись к коленопреклоненному, он воздел к небу худые, жилистые руки и вдохновенно пропел несколько торжественные куплеты, славящих милосердие и величие богини. Стоя на коленях и с трудом сдерживая волнение, Антиох испуленно повторял за бритоголовым жрецом слова священного гимна.

Наконец, наступил момент его наивысшего торжества – на голову нового Властелина мягко улеглась золотая корона Селевкидов. Призывно и величаво прогремели фанфары, воины дружно ударили копьями о медные щиты, воздух над площадью потемнел от салюта стрел, выпущенных фессалийскими лучниками. Еще ярче вспыхнули тысячи огней, и над всей просторной храмовой площадью разом ударили фонтаны, наполненные чистейшим вином.

«Слава василевсу!» – прозвучал троекратный клич конной гвардии.

«Эпифан (Славный)! Великий Эпифан! Да здравствует Антиох Эпифан! Да будешь благословен Зевсом, царь!» – тысячеголосо ревела толпа. Чернокожие рабы вновь вознесли коронованного василевса на ложе пурпурных носилок и торжественно понесли во дворец.

Царский кортеж величественно проследовал через тронный зал, где многочисленные придворные раболепно склонились перед новым Светочем Власти, и остановился перед украшенными тончайшей резьбой дверями, ведущими в женские покои, где уже несколько дней безвыходно пребывала вдовствующая царица Лаодика – безутешная супруга благородного, несчастного Селевка.

При виде могучей, величавой фигуры Повелителя, рабыни и евнухи царицы в страхе исчезли. Войдя в покои, Антиох низко поклонился и, смиренно приложив руку к груди, остановился перед погруженной в глубокий траур царицей, потрясенный столь невиданной красотой.

Несчастливая Лаодика находилась в самом расцвете редкостной, несравненной прелести и очарования, многократно воспетых в восторженных одах лучших поэтов Эллады, благоговейно запечатленных в прекрасных мраморных скульптурах, выполненных резцами прославленных ваятелей. Красота и благородство, сквозившие в каждой черточке дивного лица царицы, ослепляли и повергали сраженных мужчин к ее стопам. Траурные черные и лиловые тона нежного пеплоса красиво оттеняли матовую белизну лба, прекрасно гармонируя с ярким блеском темных и влажных, как у газели, очей.

Гордая, длинная шея Лаодики, стройностью и великолепием подобная колонне Парфенона, была обвита тройным жемчужным ожерельем, из маленьких, прозрачно-розовых мочек ушей на точеные плечи ниспадали ажурные золотые подвески. Высокая, манящая, подобно оазису в пустыне, грудь царицы, чья пышная роскошь не вязалась с хрупкой тонкостью талии, была украшена сверкающим голубым алмазом. Маленькие, стройные ступни, обутые в мягкие, изящные сандалии из лебяжьего пуха, утопали в вытканном золотыми и серебряными нитями, ворсистом ковре.

Прислонившись к высокому, резному изголовью царского ложа, прекрасная Лаодика глядела на покорного ее красоте гиганта с ужасом и отвращением.

«О божественная василевса, сестра моя! – смиренно произнес Антиох. – Я не смел явиться перед дивными очами твоими, пока жив был наш враг Гелиодор – гнусный убийца моего возлюбленного брата Селевка!»

«Злодей, ты еще смеешь произносить его имя! – Лаодика в гневе сорвала с головы узкую, черную диадему, и ее пушистые, искрящиеся волосы заструились по круглым плечам и гибкому стану. – Ты – виновник всех несчастий, обрушившихся на наш Дом, истинный вдохновитель кровавого преступления! – она величественно простерла к нему, словно выточенную из мрамора, белую тонкую руку. – Но берегись, ибо страшная месть достигнет братоубийцу и клятвопреступника!»

«Я не преступал клятв, о благороднейшая сестра моя! – хрипло проговорил Антиох, украдкой утирая обильно выступивший на лбу пот. – Призываю в свидетели богов, я отомстил предателю и убийце за кровь Венценосного брата!» – резким движением он извлек из складок длинного одеяния и бросил на пол какой-то предмет, который, прокатившись по мягкому ковру, замер у ног царицы. Это была мертвая голова узурпатора Гелиодора. Лаодика в ужасе отшатнулась, но Селевкид, подобно пантере, прыгнул вперед и крепко стиснул ее в могучих объятиях. Острием трехгранного кинжала, с которым он никогда не расставался, Антиох полоснул левое запястье своей руки и,

разорвав ажурный пеплос царицы, слегка уколол ее левое предплечье.

Трепещущая Лаодика громко вскрикнула от страха и боли, но он грубо зажал ей рот своей широкой ладонью и повалил на кровать. Тончайший, дурманящий аромат индийских благовоний, исходивший от божественно прекрасного тела, одновременно с неукротимой, бешеной яростью дикого зверя, обволакивал его сознание неведомым доселе, чарующе волшебным ощущением.

«Клянусь золотыми кудрями Афродиты! – шептал Селевкид в страстной истоме. – Отныне, только тебе, о желанная, будет принадлежать вся моя жизнь! Возьми ее, если пожелаешь! И пусть Зевс поразит меня огненной стрелой и испепелит впрах, если я променяю тебя на другую женщину!»

Неожиданная кротость, проявленная этим чудовищем и несокрушимая мощь, веявшая от каждого движения царственного гиганта, лишали гордую Лаодику силы, доселе питаемой ненавистью к человеку, чьими коварными кознями был предательски умерщвлен ее доверчивый, как дитя, благородный супруг.

«Не отвергай меня, о царица души моей! – сладкий яд его речей убаюкивал слух и пронизывал насквозь каждую клеточку прекрасной плоти, еще не изведавшей в жизни высших глубин наслаждения. – Я сделаю тебя могущественнейшей женщиной земли! Твоя власть будет равна власти бессмертных богов!»

«О, порождение Зла! Уйди, оставь меня!» – голос прекрасной Лаодики слабел, становился прерывистым, и вскоре, гордую василевсу смял и полностью подчинил себе мощный, стихийный вал сладострастного безумия. «Олимпу было угодно соединить наши судьбы! – словно в тумане донесся хриплый шепот Антиоха. – Клянусь тебе, моя богиня, что воспитаю сына моего возлюбленного брата, как собственного, и, когда мальчик достигнет возраста Мудрости, сделаю Соправителем государства! А ты... ты родишь мне нашего сына!»

Святотатство

...Желтое, почти обескровленное тело слабо со-трясалось странной внутренней дрожью, рожденной в потаенных глубинах угасающей плоти. Нет, это был не приступ болезненного кашля, мрачный предвозвестник приближающейся Смерти, не последняя судорога, подобная прощальному песнопению уходящей жизни. То был смех! Ужасный, противоестественный, потусторонний, но все же смех – далекий отзвук недавнего! Теперь, на пороге Вечности, он мог насмеяться над обманутыми без надежды, поверженными без пощады, униженными без раскаяния!..

...Эвдем! Самый верный, самый преданный! Маленький гордец и строптивец! Во многом, благодаря именно его смелости и необычайной изворотливости, Антиоху удалось сплести вязкую, густую сеть вокруг несчастного брата, дабы погубить его руками надменного Гелиодора, также оказавшегося жертвой собственной глупой доверчивости.

Малорослый сын древних Афин рассчитывал высоко вознестись за свои неоценимые заслуги перед светлейшим василевсом. Этот самонадеянный раб втайне мечтал даже о титуле визиря – верховного наместника страны, правой руки царя! Бедный, жалкий глупец! Разве преданность раба достойна столь высокой награды? Антиох не мог простить Эвдему страшный промах, который тот совершил, упустив Деметрия, старшего сына убиенного брата, благополучно избежавшего участи тех, кто, хоть косвенно, стоял на его пути! А вдруг, это не случайность, и афинянин вел двойную игру! Нет, нет, Эвдем не заслуживал монаршеского доверия! Антиох был слишком умен и дальновиден, чтобы предать раба публичной казни и этим обнаружить свой страх перед возможной в будущем угрозе престолу. Он просто послал Эвдема в самую гущу сражения на верную гибель, а затем устроил преданнейшему из слуг пышные, царственные похороны, сопровождаемые, как в стародавние времена, щедрыми жертвоприношениями. В тот день на выразительном лице василевса подданные могли прочесть неподдельную скорбь,

но никто не догадывался о скрытом торжестве Повелителя, отделившегося от человека, который владел многими тайнами его постыдных деяний.

Он беззастенчиво и бестрепетно солгал прекрасной Лаодике, принеся ей страшную клятву в вечной любви и верности, священную клятву, скрепленную и окропленную кровью, однако, уже следующим вечером, после бурного возлияния, возлежал на ложе известной антиохийской гетеры Леды, со смехом рассказывая веселой куртизанке о своей победе над неприступной царицей.

На горькие упреки униженной Лаодики, Антиох насмешливо отвечал:

«Вспомни мудрейшего философа Аристиппа, о бесценная! Он утверждал: «Я владею женщиной, а не она мною и лучшая доля состоит не в том, чтобы воздерживаться от наслаждений, а в том, чтобы властвовать над ними!»

Лишь в одном он нашел союзницу в лице несчастной царицы, в общей ненависти к Деметрию – сыну Селевка от первого брака, который оказался достаточно хитер и осторожен, чтобы попасться в руки наемным убийцам.

Не сумев расправиться с Деметрием, Антиох совершил страшное преступление.

По его тайному повелению маленький сын Лаодики был отравлен во время одной из пышных трапез во дворце.

Но, кто же тот злой дух, та высшая карающая длань, повергшая в прах могучее тело, иссушившая душу и лишившая высшего утешения – неустанных и необузданных наслаждений неутомимо сладострастной плоти?..

...Иерусалим! Проклятый город, населенный мрачными фанатиками-страстотерпцами, своей иступленной верой, словно незримой стеной, отгородившимися от остальных народов мира, народов понятных Антиоху своими представлениями о радости и скорби, жизни и смерти, богах и земных властителях!

Когда же в недрах темной души его возникла неугасимая, непримиримая ненависть к народу, отринувшему привычное почитание антропоморфных богов, которым можно воздвигать прекрасные и величественные

статуи, ласкающие взор и внушающие почтение, богов, которых можно осуждать и превозносить, с которыми можно спорить и которых должно сокрушать, если они окажутся бессильны и неугодны?

«Зримый бог не может быть носителем злого начала, даже если он зовется Зевсом или Молохом! – говорил мудрый военачальник Аполлоний, чья юная, прекрасная дочь, среди множества других одалисок, часто услаждала неутомимого василевса. – Лики богов, взирающих со статуй и картин, воспринимаются нами привычными человеческими образами, – продолжал Аполлоний, – а, посему, не могут нести страдания роду людскому!»

«Ты прав! – мысленно одобрял своего полководца Антиох, – то, что зримо и осязаемо, что воспето трудом искусных рук Мастера, не может содержать Зла! Но существует другой Бог – невидимый и недоступный разуму Бог евреев, которого они скрывают в своем Храме и которого нельзя изваять резцом скульптора!»

Распалая в себе ярость против загадочного божества и поклоняющегося ему надменного народа, Антиох в душе сознавал свою пристрастность, понимая, что истинная причина ненависти гораздо проще и прозаичнее.

Дело было в том, что некий иудей из Александрии, бывший казначей его пресветлого родителя, сделался невольным свидетелем похищения казны сирийского царя после трагического сражения при Магнезии. Это преступление было совершено доверенными рабами будущего знатного заложника, ловко воспользовавшегося неразберихой и паникой всеобщего отступления. Хитроумный иудей раскрыл тогда его замыслы и готовился перед лицом царя разоблачить похитителя, однако, в последний момент Антиоху удалось с помощью яда избавиться от страшного свидетеля. Похищенные сокровища остались при нем и, впоследствии, сыграли решающую роль, проложив Антиоху дорогу к заветному престолу.

С той поры, ненависть к иудеям, олицетворенная в образе зловредного казначея, ярким пламенем загорелась в его мстительной душе.

В седьмой год пребывания на троне Селевкидов, Антиох наконец-то осуществил свой давно лелеянный замысел. Во главе непобедимой гвардии, не жалких лидийских наемников Гелиодора, а настоящих преданных воителей, презирающих варварский, суеверный страх перед грозным Богом иудеев, верхом на белогривом скакуне Антиох ехал по узким, мощеным брусчаткой улицам древнего города, не отрывая торжествующего и ненавидящего взора от возвышающегося на горе Храма проклятого Бога.

В большом обозе, охраняемом лучниками, раздавались шумные, непристойные песни, слышалась громкая музыка, крики пьяных комедиантов и веселящихся блудниц. Все они должны были стать участниками задуманного василевсом грандиозного представления, предназначенного для посрамления высшей иудейской Святыни.

Обогнув восточные ворота Храма, называемые «Шушан», в честь города Сузы – столицы персидского завоевателя Кира, некогда освободившего евреев из вавилонского плена, вооруженные всадники во главе с Антиохом, двинулись к Главным воротам, вокруг которых расстилались цветущие сады и радовали глаз стройные кипарисовые рощи.

Сияющий в лучах щедрого солнца белокаменный Храм, словно висящий на мраморных террасах, находился прямо перед армией святотатцев. Облаченные в скорбные одежды священники и левиты не расступились перед нечестивцами и все, как один, пали под разящими ударами сирийских копий и мечей. Дерзкие воины Антиоха, полуобнаженные, бесстыдные гетеры и кривляющиеся шуты со смехом и веселыми возгласами прыгали по широким мраморным лестницам, густо залитым кровью немногочисленных защитников Храма.

Любимица Антиоха, быстроглазая Лаида, торопливо сбросив хитон, примеряла одеяние Первосвященника, любуясь своим отражением в отполированном серебрянном щите. Один из комедиантов, засунув в задний проход ствол золотого семисвечника, с хрюканьем опустился на четвереньки и пополз к сверкающе-

му золотом Святому Алтарю под оглушительный хохот солдат.

Возбужденный мстительным торжеством, Антиох, в сопровождении красивых, как херувимы, мальчиков и юных жриц любви, приблизился к тяжелой пурпурной занавеси, скрывающей «Святая Святых» и, с победным рычанием, могучими руками разодрал пополам плотную материю. В наступившей гробовой тишине Коронованный Нечестивец на мгновение закрыл глаза, со страхом ожидая немедленной кары Грозного Бога. Застыв в ужасе, трусливо сбились в кучу юные вакханты. Но, к общему облегчению, не полыхнула молния и не ударил гром, лишь из мраморного пола, прямо в лицо Осквернителю угрожающе темнел огромный обломок невиданного доселе камня – место Обитания Великого Заступника народа Израилева.

Антиох первым пришел в себя и, обернувшись к спутникам, гневно закричал: «Неужели вы не видите, презренные трусы, что здесь нет никакого Бога, а только торчит грязный обломок!» – и, видя, что его слова не оказывают должного воздействия, выхватил меч и яростно рубанул Черный Камень.

Однако боевой парфянский меч, легко перерубавший ногу слона, лишь жалобно звякнул и, переломившись пополам, упал на пол, не принеся даже малейшего урона Святыне Храма. Антиох злобно закусил губу, но решил далее не испытывать судьбу, дабы не оказаться посмешищем в глазах злоречивых комедиантов и горлающих воинов, с вожделием столпившихся вокруг юных афродит. По его приказу занавесь Храма расстелили прямо на мраморном полу, преображенном в огромное ложе распутной любви.

Полупьяные воины привели с собой двух захваченных левитов и, содрав с них облачения, попытались совокупить безмолвных страдальцев с хохочущими блудницами. Когда все попытки соращения Божьих служителей оказались напрасными, разъяренные солдаты зарубили гордых иудеев.

Чтобы развеселить хмурого и мрачного василевса, быстроглазая Лаида, извиваясь змеей, припала к нему

обнаженным, трепещущим телом, а красивые мальчики исполнили страстный, зажигательный танец.

Пример догадливой Лаиды явился сигналом к всеобщей исступленной оргии в оскверненном Святилище, переименованном Антиохом в храм Зевса Победителя.

Эпилог

...Только теперь, обессиленный и раздавленный, покинутый друзьями и преданный слугами, умирающий на чужом холодном ложе, под заунывные звуки финикийской дудки, он по-настоящему осознал: «Зло, причиненное смертному, может обернуться Благом свершителью его, ибо безгласные кости очередной жертвы – это лишь новая ступень к возвышению!»

Но, в ослеплении собственным величием, возомнив себя равным грозному и Непостижимому Богу, Надмирному Демиургу, Тайному Властителю Сущего, он превзошел предел возможностей, отпущенных человеку, даже если славой своей он подобен ему – Антиоху Эпифану!

И, низвергаясь в мрачные, бездонные глубины Аида, вобравшие в себя это воплощение порока, он страстно шептал строки любимого при жизни поэта:

«Бросил шар свой пурпурный
В меня Златовласый Эрот
...Но, навеки забыт и заброшен,
И исхода оттуда уж нет!»

ФИАСКО АНТИОХА

Исторический очерк

Праздник «Ханука», установленный в 165-м году до новой эры знаменитым Иудой Маккавеем в честь освящения алтаря и очищения Храма, является самым «молодым» и, в то же время, одним из самых почитаемых праздников в иудаизме.

Его глубинный смысл заключается не только в религиозной основе, выражаемой в благодарственных молитвах Создателю за явление Чуда, но и в общенародном торжестве, связанном с вполне конкретным историческим событием – освобождением еврейского народа от грозной опасности физического и нравственного уничтожения, утраты самоидентификации.

В празднике «Ханука» заключена особая энергетика, поскольку его основной посыл – это победа над силами Зла, мрачной персонификацией которых, предстает зловещая фигура человека по имени Антиох. Действительно ли справедливо подобное обвинение?

Попробуем в этом разобраться.

Паны дерутся...

После внезапной смерти Александра Македонского осталось его наследство – огромная, лоскутная, полиэтническая, многоконфессиональная империя, куда входили европейские территории, Египет, Сирия с Палестиной, почти вся Азия, включая часть Индии. Никаких указаний, относительно того, как распорядиться этим гигантским ареалом Александр не оставил, поэтому его сподвижники, так называемые диадохи, повели между собой длительные, кровопролитные войны за лакомые куски наследства.

В конечном счете, распад державы привел к возникновению ряда новых государств, оказавшихся более устойчивыми и долговечными, нежели «мировая» македонская монархия.

Ранее прочих государственных образований выделился птолемеевский Египет, куда, помимо древней страны фараонов, вошли Кипр и другие территории. Однако, самым значительным из образовавшихся государств стало, так называемое, царство Селевкидов, основанное полководцем Александра, знатным македонянином Селевком. В его составе оказались территория Персии с Вавилонией, Северная Сирия, большая часть Малой Азии и почти вся Северная Месопотамия.

На протяжении нескольких десятилетий между двумя крупнейшими новообразованными монархиями Египтом и царством Селевкидов велись непрерывные войны, в результате которых, Египет вначале утратил господство на море, а в период правления селевкидского династа Антиоха 3-го, получившего прозвище «Великий», потерял контроль над Иудеей, отошедшей к противнику. В эти годы многострадальной Земле Обетованной довелось быть постоянным яблоком раздора между своими могущественными соседями. Ввиду тяжелых налогов, которыми Египет обложил население Иудеи, многие евреи предпочли в этом конфликте встать на сторону Селевкидов.

Поэтому, когда войска Антиоха 3-го появились в Палестине, граждане Иерусалима открыли ему ворота города и оказали большую помощь в других операциях, за что заслужили дружеское расположение монарха. В одном из своих посланий Антиох 3-й писал: «...мы решили воздать им (иудеям), восстановить их сильно пострадавший от непрерывных войн город и дать возможность множеству рассеянных повсюду евреев вернуться в него...»

В другом послании царя, процитированном, как и первое, Иосифом Флавием, имеются такие строки: «...я убежден, что эти люди (евреи), вследствие своего благочестия, будут нам преданными стражами...».

Увы, непомерные амбиции этого Властелина, возмнившего себя новым Александром, привели его к столкновению с могущественной римской державой, тяжелым поражениям и гибели. На сирийском престоле его

сменил старший сын Антиоха, мягкий и нерешительный Селевк 4-й, пытавшийся любой ценой сохранить отношения с грозным Римом.

Дабы собрать необходимые средства для выплаты огромной военной контрибуции римлянам, Селевк отрядил в Иерусалим своего канцлера Гелиодора, поручив ему овладеть сокровищницей Храма. Несмотря на активное противодействие первосвященника Онии, сановник проник в Святилище, но, в его чертогах был внезапно поражен видением некоего мистического всадника, возникшего перед ним, как карающее Знамение свыше.

«...Ибо явился ему конь со страшным всадником... — повествуется во 2-й книге Маккавеев, — ...быстро несясь, он поразил Гелиодора передними копытами, а сидевший на нем, казалось, имел золотое всеоружие...». Эта грозная и чарующая картина небесного возмездия, много веков спустя, нашла достойное воплощение в изумительной фреске Рафаэля, украшающей Ватиканский дворец.

Смертельно напуганный, но невредимый вельможа вернулся к своему царю, так и не тронув заветных сокровищ.

Возможно, пережитое потрясение, каким-то образом, повлияло на жестокий, мстительный характер Гелиодора, который, с той поры, повел тайные интриги против Селевка и вскоре, совершив государственный переворот, захватил власть в стране. Многие историки полагают, что за этой политической авантюрой стояла фигура человека, до поры, до времени, пребывавшая в тени.

Пришло время поговорить об этой загадочной личности.

На пути к заветной власти

Герой нашего небольшого повествования был младшим сыном царя Антиоха Великого и, в силу этого обстоятельства, практически не имел никаких шансов на престол. Кроме двоих сыновей, в семье монарха также росли три дочери, одна из которых вступила в династический брак с Птолемеем 5-м Египетским, а другая стала супругой царька маленькой Каппадокии. Что же касается третьей царевны Лаодики, то она, в полном соответствии с нравами и традициями Селевкидов, сделалась женой своего брата Селевка, унаследовавшего отцовский трон.

Молодой Антиох, названный в честь державного родителя, носил самое распространенное в Сирии имя, которое, впоследствии, стало тронным именем большинства царей селевкидской династии. Даже столица государства, один из крупнейших городов античного мира, называлась Антиохией.

Юный принц получил хорошее, хотя, по-видимому, не слишком системное образование, обладал отменными ораторскими способностями и приятной наружностью, о чем свидетельствуют сохранившиеся изображения.

После жестокого разгрома, учиненного его амбициозному родителю римскими легионами, Антиох, кстати, ничем не проявивший себя в этой войне, отправляется в Рим в качестве заложника. Вечный Город произвел на молодого Селевкида огромное впечатление и, несомненно, разжег в его душе неугасимый огонь прирожденного тщеславия и корысти. Тесно общаясь с римскими военачальниками и сенаторами, Антиох старательно перенимал многое из обычаев и привычек гордых потомков Ромула, а главное, старательно и прилежно усваивал особенности военного искусства непобедимой римской армии.

Через некоторое время пришло известие о гибели отца, и на престоле оказался его старший брат Селевк. Согласно существовавшим тогда дипломатическим нормам, заложником в Рим отправился сын нового монарха.

Казалось, что теперь Антиох мог свободно покинуть «столицу мира» и вернуться на родину, о чем, кстати говоря, его мягко, но настойчиво просил державный брат. Однако, вынашивая далеко идущие замыслы, используя различные, хитроумные предлоги, Антиох всячески уклонялся от возвращения.

Надо сказать, что его положение в тот период действительно была весьма непросто. Хотя за минувшие годы у знатного заложника в Риме возникли влиятельные связи, этого было явно недостаточно, чтобы предъявить легитимные претензии на царский трон.

Судя по имеющимся данным, именно Антиоху пришла на ум блестящая идея добиться желанной цели в результате жестокой и коварной интриги. В процессе тайной переписки он принялся всячески распалать честолюбивые мечты канцлера Гелиодора призраком возможной и близкой власти. Когда властолюбивый сановник, с помощью предателей из числа высших военных чинов, свергнул с престола и убил несчастного Селевка, Антиох поспешил откреститься от него и незамедлительно выступил перед римским Сенатом с соответствующим обличением Гелиодора, при этом, естественно, представив себя, как единственного достойного представителя законной династии, способного устранить узурпатора и восстановить порядок в стране.

Используя деньги, щедро выделенные Сенатом, Антиох подкупил военачальников Гелиодора и фактически расчистил себе путь к захвату власти.

В конце 175 года до новой эры, поддерживаемый войсками Рима и его сателлитов, честолюбивый Селевкид изгнал узурпатора и наконец-то занял заветный трон.

Совесьть против насилия

Нового хозяина Селевкидского царства, получившего тронное имя Антиох 4-й Эпифан (прославленный), вследствие его многочисленных эксцентричных поступков, в народе метко окрестили «Эпиман», что означало «безумный».

Этого монарха некоторые считают первым в истории антисемитом на троне, развязавшим массовый, кровавый террор, не только по этническому, но и по религиозному признаку.

Анализ событий того сложного времени значительно приземляет и упрощает истинные мотивы явно неадекватного поведения этого человека.

Вскоре, после своего воцарения, Антиох воспользовался неуклюжей попыткой египтян вернуть себе земли Палестины и немедленно двинул армию на берега Нила, стремясь расчленив Египет и подчинить его своему влиянию. Хорошо усвоенные им в Вечном Городе уроки тактической премудрости способствовали стремительному продвижению сирийцев к Александрии. Однако, длительная осада египетской столицы не привела к желанному успеху, поскольку в дело вмешались римляне, вовсе не заинтересованные в подобном усилении своего недавнего ставленника.

Специальный посол Сената Гай Попилий ультимативно потребовал от Антиоха вывести войска из Египта и лично проследил за тем, чтобы также был очищен и захваченный сирийцами Кипр.

Таким образом, все сладостные мечты Антиоха были уничтожены и сведены на нет и, как оказалось, впустую были потрачены огромные средства на содержание армии, которая теперь, не получая жалованья, могла выйти из-под контроля.

Однако, изощренный и деятельный ум Антиоха нашел выход из тяжелой ситуации и, отчасти, в этом ему оказали помощь представители высшей иудейской знати, стоявшей во главе Иерусалима. Следует заметить, что в тот период все население Иудеи разделилось на два враждующих лагеря, каждый из которых поддерживал одного из двух Первосвященников Ясона или Менелая. Как не трудно понять из их имен, оба придерживались тактики проведения эллинистских реформ в иудаизме, но, при этом, Менелай еще был готов к тому, чтобы полностью отказаться от древних духовных традиций, обычаев, да и самой Веры, завещанной Моисеем.

Накаленная обстановка в стране чрезвычайно благоприятствовала планам Антиоха, вступившего в Иерусалим с мнимой миротворческой целью. Но, как только отворились городские ворота, царь отдал приказ захватить казну Священного Храма, т. е. сделать то, что в свое время не удалось злополучному Гелиодору.

Столкнувшись с яростным сопротивлением народа, разгневанный Антиох повелел безжалостно истреблять всех иудеев, невзирая на возраст и пол. По его приказу были уничтожены тысячи людей, другие уведены в рабство, а лучшие городские здания преданы огню. Не остановившись на достигнутом, царь издал особый эдикт, согласно которому, Иерусалим становился греческим городом, упразднялись многовековые законы и установления еврейской религиозной культуры, отменялось соблюдение субботы и праздничных дней, запрещалось обрезание и пользование священными книгами. Специально выделенными чиновниками повсеместно уничтожались свитки Торы, а евреев заставляли приносить жертвы на алтари греческих богов. В Иерусалимском Храме, в Святая святых была водружена статуя Зевса Олимпийского.

Чудовищные, по своему беспримерному вандализму, действия селевкидского монарха, вызвали к жизни мощное народное сопротивление, во главе которого стояла семья Хасмонеев, получивших в народе имя Маккавеи (маккаби – молот), ибо это славное прозвище было дано харизматическому вождю повстанцев, одному из сыновей священника Маттафии Иуде.

В результате трехлетней кровопролитной войны повстанцы, руководимые Иудой Маккавеем одного за другим разбили сирийских военачальников Никанора, Горгия и Лисия и победно вошли в Иерусалим. Жертовник Зевсу был немедленно разрушен, а на его месте воздвигли новый алтарь из цельных камней, которых не коснулось осквернение. Вместо расхищенных храмовых сосудов были изготовлены новые из золота и серебра.

В 25-й день месяца Кислева 165 года до новой эры состоялось торжественное Богослужение по случаю освобождения Святилища.

Понимая, что затеянная им жестокая игра, обернувшаяся кровавой вакханалией над целым народом, безнадежно проиграна, Антиох оставил все попытки отговаривать Иудею. В конце 164 года до н. э. посрамленный владыка, остро нуждавшийся в деньгах, с небольшим отрядом, по-разбойничьи, попытался ограбить храм Артемиды, расположенный в персидской области Элемаиде, но был разбит и отброшен местным ополчением.

На обратном пути Антиох впал в состояние глубокой депрессии и слег, испытывая страшные физические мучения. Перед смертью он собрал немногих оставшихся сподвижников и покаялся за свои преступления перед иудейским народом и его Богом.

Тиран или шут

Едва получив вождельный трон, дабы укрепить свое не слишком законное положение в глазах соотечественников и сопредельных монархов, Антиох взял в жены вдову убитого Селевка Лаодику, которая, как мы помним, доводилась сестрой и ему самому. Малолетнего сына Лаодики и Селевка он вскоре приказал тайно убить, так как этот ребенок обладал большей легитимностью, нежели он.

Знаменитый римский историк Полибий описывает его беспутное, порой разнузданное поведение, напоминавшее жестокие чудачества Нерона. Немудрено, что ему вечно не хватало денег, так как в своих расходах он, поистине, не знал удержу. Своей любимой наложнице он подарил два больших города в Малой Азии, в том числе, знаменитый Тарс – родину апостола Павла. Подражая забавам «столицы мира», он за огромные деньги покупал известных гладиаторов и буквально заставлял жителей Антиохии приобщаться к кровавым зрелищам. Необычайно пышно обставлялся царский выход, во время которого Антиоха сопровождали 600 пажей.

Если его можно обвинить в патологической ненависти к евреям, то, судя по всему, не в меньшей степе-

ни он ненавидел и римлян, безмерно унизивших его в египетской военной кампании и в ряде других обстоятельств.

В исторической науке широко распространено мнение, что, будучи восторженным поклонником греческой культуры, он просто эстетически не воспринимал все, что отрицало эллинскую утонченность и изящество, величественные статуи и архитектурные изыски, театральные постановки и глубокомысленные философские диспуты. Подобные утверждения представляются совершенно неосновательными, ибо хорошо известны его увлечения, к примеру, финикийскими религиозными обрядами, не имеющими ничего общего с традициями эллинизма. Ну, а его роковая попытка ограбить храм Артемиды уж явно не вяжется с приписываемым ему пиететом перед духовными традициями Эллады.

В то же время, едва ли правомерно считать его убежденным идеологом антисемитизма. Нет, Антиох являлся просто жестоким, сумасбродным шутком, по роковому стечению обстоятельств, проявившему пик своих безумств против многострадального еврейского народа.

Будучи ничтожным правителем, он оставил свой позорный след в истории, подобно презренному Герострату, о котором также ничего бы не было известно, если бы не его преступление века.

Таковым он останется навсегда.

СМЕРТЬ ГАННИБАЛА

570-й год римской эры (183-й год до нашей эры)

На анатолийском берегу Босфора, в городе Халкедоне – столице этнархии Вифиния, доживал последние годы некогда могущественный полководец, суфкет (судья) Карфагенской республики, непобедимый и упорный враг Рима – Ганнибал.

После разгрома Антиоха 3-го в битве при Магнезии и подписания им унижительного апамейского мира, суфкет еще некоторое время питал надежду на возрождение Великого царства, но вскоре последовало поражение союзнического сирийского флота, а затем и гибель маленькой флотилии Ганнибала у берегов Памфилии. Вначале путь старого воителя пролегал в Армению к смелому и проницательному царю Арташесу, создавшему собственное государство, неподвластное сирийским монархам. Внемля совету опытного Ганнибала, царь Армении заложил свою будущую столицу Арташат на реке Аракс.

Недолго, однако, пользовался старый суфкет гостеприимством Арташеса. Через два месяца, покинув Армению, Ганнибал высадился в приморском городке Гортине на острове Крит. На этой древней земле – колыбели эллинской цивилизации, сопровождаемый верными телохранителями Креонтом и Ородием, полководец посетил верховного жреца храма Артемиды Критской и передал в дар богине несколько десятков больших глиняных амфор, доверху наполненных золотыми и серебряными монетами. Верховный жрец молча склонил седую голову в знак благодарности и жестом пригласил суффета пройти в небольшой зал позади мраморной статуи Артемиды, отсеченный от культового помещения – целлы двумя рядами изящных бледнорозовых колонн. «Клянусь разящими стрелами моей Покровительницы! – тихо произнес жрец, пристально вглядываясь в полководца, – твой великий дар скорее подобен жесту отчаяния, нежели пожертвованию сердца! Не говори мне, кто ты, – поспешно

добавил седобородый служитель богини, видя нетерпеливое движение руки суффета. – Я вижу, ты знатный финикиец, а щедрость твоего народа не зависит от прихотей судьбы!» «Финикиец! – усмехнулся полководец, – Поистине, старик, ты напомнил мне, что боги давно не зрили от меня воздаяния им почестей, ибо в пылу кровопролитных сражений, я более всего полагался на свой дар предвидения, нежели на их покровительство!»

«Здесь на Крите, о славный Ганнибал, – вкрадчиво промолвил жрец, пристально глядя на вздрогнувшего суффета, – ты будешь пребывать в безопасности и обретешь в моем храме защиту и покой. Вот, взгляни!» – старик слегка хлопнул в ладони и, в тот же миг в пространстве между колоннами неслышно возникло множество закутанных в белое фигур незримых служителей богини, на чьих широких бронзовых поясах висели короткие мечи– гладиусы, терявшиеся в многочисленных складках одеяний. «Эти люди будут твоими преданными рабами! – проникновенно произнес жрец, – Под могущественным покровительством Артемиды ты доживешь свои дни в мире и довольстве!»

«Боги, да продлят твою жизнь, – грустно улыбнулся Ганнибал, – увы, всесильный Молох – бог солнца и войны повелевает продолжить мой путь к возрождению славы или скорбному венцу!» Жрец огорченно вздохнул и медленно поднял руку. Фигуры людей между колоннами тотчас исчезли. Суфлет обнял старика и, не оборачиваясь, вышел из храма. Телохранители последовали за ним.

Далее путь Ганнибала лежал в Вифинию к старому царю Пруссию, находившему в то время в немилости у всемогущего римского Сената, ибо он, без дозволения Рима, осмелился вести войну с пергамским Владыкой Эвменом – верным и преданным союзником Вечного Города.

Не без длительных колебаний решился Прусий принять у себя опасного скитальца, понимая, что римляне не простят подобного деяния... Торопясь использовать полководческий дар Ганнибала, пока слух о его пребывании в Вифинии не достиг Капитолия, Прусий отдал

под командование суффета маленький флот, курсировавший в Эгейском море, наказав новоиспеченному наварху ни в коем случае не действовать от его имени. Оказавшись вновь в родной стихии военных операций, Ганнибал предпринял дерзновенный рейд на шести быстроходных триремах против мощного флота пергамцев, где на борту одного из кораблей находился сам царь Эвмен.

Под покровом ночи Ородий с четырьмя воинами на лодке подплыл к царскому кораблю и, взобравшись на борт, бросил на палубу несколько широких сосудов, доверху наполненных смертоносными змеями. Оцепеневшая от ужаса стража беспрепятственно позволила храбрецу перемахнуть через борт и скрыться. Возникшей на палубе паникой не замедлил воспользоваться Ганнибал. Две триремы, подойдя вплотную к пергамцам, обстреляли корабль стрелами, обмотанными горячей паклей. Пергамская флотилия обратилась в паническое бегство, причем, сам Эвмен лишь чудом остался жив. Однако возвращение Ганнибала в Вифинию было совсем не триумфальным, ибо вскоре к монарху Прусию прибыло римское посольство, возглавляемое давним ненавистником карфагенского полководца сенатором Титом Квинкцием Фламинином.

Неумолимое время слегка посеребрило виски сенатора, не истребив его неумной гордыни. В широкой тунике, расцвеченной пурпуром и украшенной массивными золотыми кольцами, в высоких сапогах, обхватывающих щиколотки прочными ремнями из кожи иллирийского быка, римлянин, подобно скале, возвышался над согбенными годами, приземистым царем Вифинии. Тронная зала была пуста, не считая стоявших вдоль стен полуголых нубийских стражников. «О лучший из рода Квинкциев! – Прусий тщательно избегал пристального, холодного взгляда римлянина, – да будет свидетелем правдивости моих слов Всемогущий Аполлон – покровитель Вифинии! Владетельному Сенату давно известны чувства дружбы и уважения, питаемые мной к Великому римскому народу!» «Я прибыл к тебе о Прусий не ради льстивых уверений в дружбе! – гневная складка пере-

секла высокий лоб посла. – Чего они стоят, Сенат убедился, когда, не вняв его предупреждению, ты развязал войну с Пергамом!» «Пергамцы топили наши торговые суда и увозили в рабство моих подданных! – слабым голосом возразил старый монарх. – Моя борьба с Эвменом не наносит оскорбления Великому Риму!» «И в довершение всего, – словно не слыша этих жалких оправданий, – продолжал римлянин, – ты пригрел у себя нашего заклятого врага и используешь его, чтобы подорвать могущество Рима! Такого оскорбления Сенат простить не может!» Прусий искоса бросил взгляд на неподвижные фигуры, застывших в мраморных нишах черных нубийских воинов, понимавших только язык жестов. О, с каким наслаждением он сейчас щелкнул бы пальцами, побуждая стражу к действию! В одно мгновение надменный квирит оказался бы разорванным на части. С немалым трудом вифинец овладел собой. «Чего бы ты желал, о благородный Фламинин?» – раболепно осведомился Прусий, подавив ненависть. Римлянин небрежно откинулся в золотом тронном кресле, выполненном в форме изготовившегося к прыжку льва. «Во-первых, – жестко произнес сенатор, глядя в затуманенные, слезящиеся глаза старого монарха, – ты должен немедленно прекратить военные действия против Эвмена Пергамского, а во-вторых, – римлянин нарочито помедлил и, затем, твердо отчеканил, – тебе надлежит без промедления выдать римскому народу скрывающегося у тебя карфагенянина Ганнибала!»

Прусий попытался что-то произнести, но римлянин, словно не замечая этого, закончил: «Тогда великодушный Сенат оценит высказываемые тобой слова дружбы и щедро вознаградит тебя!» Владыка Вифинии тяжело встал, медленно спустился с широких, покрытых золотистыми шкурами ливийских тигров ступеней тронного возвышения и, прихрамывая, прошелся вдоль зала, опираясь на массивный золотой посох, увенчанный крупным гранатом в форме человеческого глаза. Шлейф длинного одеяния монарха – причудливая смесь римской тоги и восточной хламиды, шурша, заскользил по мраморному полу.

«Взгляни, о благороднейший Квинкций на эту гемму, – вместо ответа он протянул сенатору прекрасную резную инталию, – ты видишь, как разверзается Аид перед неосторожной Персефоной! А эта черная колесница вот-вот умчит в преисподнюю прекраснейшую дочь Деметры!» Римлянин долго не мог отвести взор от дивного творения безвестного мастера. «Она твоя, достойный Квинкций!» – улыбнулся монарх. Фламинин с признательностью прижал руку к груди. «Да будет благосклонен к тебе Юпитер Капитолийский за твой воистину бесценный дар, о светлый Прусий! Однако твоя щедрость не сможет поколебать моих убеждений! Я жду твоего ответа!»

Царь Вифинии осторожно поправил увенчанную крупным алмазом, драгоценную тиару. «Клянусь дивными волосами Афины, о Величайший из рода Квинкциев, честь моя не позволяет выдать доверившегося мне человека!» «Честь твоя останется незапятнанной, о Великий Владыка! – иронически усмехнулся сенатор. – Укажи место и время, а уж мои люди сами захватят карфагенянина!» Прусий тяжело вздохнул и, после короткого раздумья, согласно кивнул головой. Час первого факела еще не миновал, а глубокая звездная ночь уже повисла над сердцем Вифинии Халкедоном. Полуприкрыв усталые глаза и откинувшись на мягких, шелковых подушках, Ганнибал диктовал старому писцу свои воспоминания о каннской битве.

Перед мысленным взором суффета ясно вставали картины этого грандиозного сражения, ставшего вершиной его триумфа над ненавистным Римом. Он вспоминал, как побуждаемый настоятельными мольбами воинов, отдал приказ о семидневном отдыхе после Великой битвы. Все благословляли его и лишь начальник конницы Махарбал принялся умолять суффета немедленно двинуться на Рим.

«На пятый день, о Ганнибал, ты будешь пировать во дворце Капитолия, а гордые римские сенаторы станут раболепно прислуживать тебе!» «На обдумывание твоего совета, – улыбнулся тогда полководец, – требуется время, дабы мои воины могли отдохнуть и набраться

сил!» Смуглое лицо благородного Махарбала побелело: «Не все боги дают одному человеку, – взволнованно ответил он, – ты умеешь побеждать, Ганнибал, но пользоваться плодами победы ты так и не научился!»
Всю жизнь, впоследствии, полководец вспоминал этот разговор. Тревожный стук в дверь отвлек мысли старого суффета. Он жестом отпустил писца, мгновенно исчезнувшего за зеленым атласным занавесом, и привстал с ложа. На пороге неслышно возник верный Ородий. «Беда, о господин мой! – губы храброго этолийца тряслись. – Дом окружен!» Ганнибал бросился к проемам и сквозь узкие прорези, выходившие в замкнутый внутренний двор-перистиль, увидел темные фигуры людей, мелькавшие среди колонн. В руках у некоторых из них ярко горели факелы. «Это не вифинцы! – прошептал суффет. – Это они! Мой час настал! Прощай, мой верный Ородий!» «Нет! Нет, господин, бежим! Я сумею спасти тебя!» – взволнованно воскликнул этолиец. Ганнибал, не отвечая, смахнул со стола светильник в широкой порфировой вазе и стремительно шагнул к маленькой резной двери, повернул тяжелую золотую ручку, скрывшись в комнате.

Внизу, в просторном мраморном холле послышался шум борьбы и зал огласился предсмертными воплями рабов. Двое легионеров подтащили к лоджии обезглавленное тело Креонта и, раскачав, бросили вниз. Могучий Ородий пронзил копьем одного из убийц и быстрым взмахом меча поразил другого, однако, в тот же миг зал наполнился воинами. Бронзоволицые вифинцы выстроились вдоль стен, оставив посреди два десятка римских легионеров во главе с центурионом. «Не стрелять! – грозно крикнул центурион. – Возьмем его живым!» Подняв руку в знак мирных намерений, римлянин направился к Ородию.

«Если ты скажешь нам, где твой господин, останешься живым и получишь награду!» – центурион был в нескольких шагах от этолийца. Ородий смиренно склонил голову, бросив тяжелый меч под ноги римлянину и, в то же мгновение, кинувшись к центуриону, вонзил ему в грудь маленький финикийский кинжал. Даже не

вскрикнув, римлянин рухнул мертвым рядом с верным Ородием, пораженным десятком стрел.

Когда легионеры ворвались в потаенную комнату, находившуюся за резной кипарисовой дверью, они увидели распростертое на полу тело Великого Полководца, принявшего яд.

Похоронили Ганнибала в Либисе на берегу Босфора, в черном каменном саркофаге, на крышке которого, по приказу Фламинина, была высечена надпись: «Здесь погребен Ганнибал».

НЕТЛЕННАЯ МУДРОСТЬ ЭПОСА

О Гильгамеше и Энкиду – великих эпических героях древнего Двуречья, веками складывались сказания и торжественные песнопения, ими безудержно восторгались, их канонизировали.

На сегодняшний день наука располагает пятью различными, разноинтерпретируемыми сказаниями о Гильгамеше и Энкиду, которые принято называть эпическими песнями. Два из их числа на сегодняшний день недоступны для научного изучения, что придает им некий таинственный флер. Исходя из отзывов специалистов, к этим недоступным произведениям относятся: «О Гильгамеше и небесном быке», а также «Песня о смерти Гильгамеша». Это связано с крайней скудостью материала и соответственно, исключительной сложностью дешифровки сохранившихся немногочисленных фрагментов.

Что же касается трех остальных литературных памятников, то наиболее распространенной, яркой, стилистически безупречной разработкой образа Гильгамеша отличается аккадский эпос. В аккадской версии эпоса центральной темой является описание путешествия Гильгамеша. Такого рода поэмы обычно относят к, так называемому, «эпосу поисков», что роднит их с «Рамаяной» и «Одиссеей». Кроме того, постоянные перемещения Гильгамеша во времени и пространстве, позволяют увидеть в аккадской версии «эпос инициаций», поскольку многое, из того, что с ним происходит носит следы различных древних обрядов Посвящения.

Если, в наиболее древней шумерской протооснове поэмы, Энкиду является лишь любимым рабом главного героя, фигурой, одновременно, трагической и безликой, то аккадский вариант волшебным образом преображает его до уровня личности, равновеликой Гильгамешу. Строки, посвященные этому персонажу, некоторые исследователи условно именуют «Энкидиадой».

На сегодняшний день личность Гильгамеша практически персонифицирована в фигуре исторического правителя 1-й династии Урука, однако в образе Энкиду

аккадского эпоса явно прослеживаются черты древнего земледельческого божества Энки-Имду.

Дуалистическая соотносимость реального и мифологического персонажей, напоминающих греческих героев Кастора и Полидевка, придают поэме особое, неизъяснимое очарование.

«Новый Гильгамеш или Наука Бессмертия» Аркадия Ровнера, бережно сохраняя ткань месопотамских сказаний, раздвигает горизонты происходящего до поистине вселенских масштабов. В его ощущении эпического материала возникает некая новая парадигма сознания, когда линейное время сменяется иным – Священным временем, дающим возможность комфортного сосуществования разновекторных культурных систем. Священное время, не разлагаемое на отдельные промежутки-этапы оказывается порождением Самотворящей Силы, именуемой Автором Суньей Святой и Предвечной – ПротоБогом. Истоки вдохновенного монолога, вложенного в уста изрекающего Божественную мудрость Гильгамеша, обнаруживаются в духовных построениях ведийской и индуистской космологии. В Авторской концепции равным образом прослеживается как позднеаккадская аллюзия слияния Гильгамеша и Энкиду в некую двуединую сущность, почти равновеликую ее небесным покровителям и антогонистам, так и их ничтожно малое положение на шкале ведийского Священного времени. Аналогично тому, как неиссякаемая жажда вечной жизни, обретения божественного бессмертия движет всеми поступками Гильгамеша, в небесное царство Священной Суньи устремляется нерожденная субстанция человека – его душа!

По сути своей, не имеет значения то, что между шумеро-аккадским пантеоном Божественных интриганов и ведийско-индуистской россыпью разноуровневых сакральных сущностей пролегает временная пропасть, длиною в полтора тысячелетия. Важен, как пишет Аркадий Ровнер, «...Совместный наш путь... тропой извилистой и нелукавой...»

ШОК

Одноактная пьеса в 4-х картинах

Действующие лица

Виолетта Бертини – Итальянская актриса
Михаил Ветров – Несостоявшаяся личность
Александр Денич – Однокашник Ветрова
Георгий Камов – Преуспевающий делец,
однокашник Ветрова
«Пантера» – Окололитературный «бомж»
Напомаженный официант в ресторане
Франц Лемке – Корреспондент «Унзере Цайтунг»
Джованни Корсо – Корреспондент «Паэзе Серро»
Певица в ресторане – «Томная ящерица»
Певец в ресторане

КАРТИНА 1-я

Москва 60-х годов XX века. Зал Киноцентра. Собравшиеся на прессконференцию журналисты с нетерпением ожидают появления известной итальянской кинозвезды Виолетты Бертини.

ЛЕМКЕ (*с досадой глядя на часы*). Послушайте, сеньор Корсо! Ваши соотечественники всегда так необязательны?

КОРСО (*смеясь*). И даже соотечественницы! Какой официальный тон, Франц! Сразу видно, что фестиваль Вам изрядно надоел!

ЛЕМКЕ (*раздраженно*). Чепуха! Просто в горле персохло! Это русское пиво только усиливает жажду! А впрочем, Вы правы. Если бы не «ШОК», здесь просто нечего было бы смотреть! Как Вы думаете, а почему не приехал Сантильяни? Неужели из-за ее московской интрижки? По моему, это просто утка!

КОРСО. Утки летают высоко и им сверху все видно! Сантильяни таков, какой есть! Немногословен, элегантен, застегнут на все пуговицы. Не поймешь есть ли под сюртуком рубашка, или он надет прямо на голое тело! Московская интрижка? Об этом многие говорят, но никто ничего толком не знает!

ЛЕМКЕ (*многозначительно*). Не научившись плавать, не прыгай в воду! Сантильяни извлек ее из нищеты и безвестности, сотворив звезду! Кто знал сеньору Бертини до него?

КОРСО (*задумчиво*). Муж Виолетты погиб при загадочных обстоятельствах, кажется на охоте! Слухов, как всегда, было масса! Некоторые горячие головы поспешили обвинить в его смерти Сантильяни!

ЛЕМКЕ (*насмешливо*). И это говорит итальянец! Побойтесь Бога! Сантильяни слишком масштабная фигура! Конечно, для нашего брата заманчиво слепить роковой треугольник и стричь на этом купоны! Да, пока не забыл! Если не ошибаюсь, Бертини это не фамилия ее покойного мужа?

КОРСО. Виолетта никогда не носила его фамилию. В ней вообще очень сильна привязанность к старым традициям, детским воспоминаниям, хотя, казалось, лучше побыстрее об этом забыть!

ЛЕМКЕ. Не хотелось сиять отраженным светом?

КОРСО. Даже Сантильяни не удалось совладать с ее гордой, свободолюбивой натурой! Впрочем, я узнал кое-что загадочное, необъяснимое! Но об этом спрошу только у нее!

ЛЕМКЕ (*озабоченно*). По-моему, возникло какое-то движение! Может быть, как говорят русские, «Барыня изволила пожаловать!»

КОРСО (*иронически*). Где это Вы так изучили русские выражения? Неужели в московских пивных?

ЛЕМКЕ (*обиженно*). Можно подумать, что Вы туда не заглядываете! Но, однако, тсс!

(*Встреченная аплодисментами появляется Виолетта Бертини.*)

ВИОЛЕТТА. Дамы и господа! Приветствую всех Вас и прошу простить мое опоздание! Можно начинать!

ЛЕМКЕ. Корреспондент «Унзере Цайтунг» Франц Лемке! Синьора Бертини, скажите, что для Вас является главным в творчестве?

ВИОЛЕТТА (*задумчиво*). Вы знаете, я постоянно

ловлю себя на мучительном желании стать деревом! Я знаю, что его скоро срубят и сделают всякие прекрасные вещи, нужные людям! И... я радуюсь от всей души! Поэтому, отвечая на Ваш вопрос, скажу: главное – это самонаблюдение, самопостижение, умение напоить, доселе пустую роль всеми соками жизни!

ЛЕМКЕ (*иронически*). Очищение? Катарсис?

ВИОЛЕТТА (*не замечая иронии*). Да, если хотите! Мой ум находится в постоянном подчинении капризного сердца! В каждом новом образе я очищаюсь от липкого слоя прежних ролей!

ЛЕМКЕ. Синьора Бертини! А почему Вы приняли предложение Сантильяни сняться в его картине «Шок», где Ваша роль явно диссонирует с привычным для Вас творческим стилем?

ВИОЛЕТТА (*задумчиво*). В фильме Сантильяни я словно пробудилась от долгого летаргического сна! С моих глаз упала многолетняя пелена гипноза, вызванного триумфальными успехами моих киноштампов! Но все это ушло в прошлое! «Шок» вызвал к жизни другую Виолетту Бертини!

КОРСО. Джованни Корсо – корреспондент «Паэзе серо»! Синьора Бертини, многие полагают, что как названием, так и содержанием, фильм «Шок» созвучен Вашему душевному настрою в последнее время и, что его огромный успех Вы не разделяете с Сантильяни?

ВИОЛЕТТА (*нервно*). Сантильяни не коллекционирует сиюминутных удач и легких побед! Некоторые комплименты для него хуже оскорблений!

КОРСО (*торопливо*). Синьора Бертини! А может ли женщина, подобно Вашей героине, быть втянута в странную любовную эээ... авантюру, помимо ее воли?

ВИОЛЕТТА (*убежденно*). Авантюра не может быть любовью, а любовь – авантурой!

КОРСО (*вытирая пот со лба*). И еще, синьора Бертини! Ходят слухи, что Вы не возвращаетесь на родину, а остаетесь здесь?

(*Виолетта, не отвечая на вопрос, застывает, глядя остекленевшим взором только в ведомую ей точку пространства.*)

ЗАНАВЕС

КАРТИНА 2-я

Небольшая очередь у дверей театрального ресторана. Мужчина в ярком замшевом пальто уже готовится войти, но, случайно обернувшись, с радостным криком останавливает проходящего мимо человека в сером плаще.

КАМОВ (*радостно*). Саша! Денич! Ты?

ДЕНИЧ (*вздвогнув и близоруко вглядываясь в окликнувшего*). Камов!?

КАМОВ (*обнимая его*). Узнал! Узнал! Боже мой, столько лет не виделись и так вот, неожиданно-негаданно! (немного отстраняет Денича, разглядывая того с симпатией и любопытством) Ты знаешь, у меня с утра было предчувствие какой-то удачи, успеха!

ДЕНИЧ (*усмехнувшись*). К чему мистика! Эту удачу или успех можно было осуществить гораздо раньше!

КАМОВ (*с виноватой веселостью*). Ты все такой же ершистый, Саша! Слушай, бросай к черту разговоры на улице, на этом жутком ветру! У тебя есть время?

Д Е Н И Ч *(Неопределенно пожимает плечами.)*

КАМОВ *(радостно)*. Вот и отлично! У меня сегодняшний вечер на удивление свободен!

(Заходят в ресторан и садятся за столик.)

НАПОМАЖЕННЫЙ ОФИЦИАНТ *(любезно)*.
Что желаете заказать?

КАМОВ *(небрежно)*. Бутылку коньяка и... ну, вообще, как обычно!

(Официант с поклоном исчезает.)

КАМОВ. Я захожу сюда частенько, и они хорошо изучили мои вкусы! Ты о чем-то задумался, Саша?

ДЕНИЧ *(рассеянно)*. Нет, нет! Просто кое-что вспомнил!

(Возникший официант почтительно ставит на стол коньяк и закуски.)

КАМОВ *(наливая коньяк в стопки)*. Да! Неужели целых 15 лет прошло! Страшно подумать! Ну, будь здоров, за встречу!

(Чокаются и выпивают. Денич тянется за сигаретой.)

КАМОВ *(щелкая крышкой дорогого портсигара)*.
Бери!

ДЕНИЧ. Благодарю! Я ...свои! *(Глубоко затягивается.)* Послушай, Камов!

КАМОВ *(раздраженно)*. Ну что ты, все Камов да Камов! Надеюсь, не забыл, что меня зовут Георгием, Жорой, как прежде!

(Немолодая певица в зеленом чешуйчатом платье «ящерица» подходит к микрофону и начинает петь. Друзья молча выпивают, прислушиваясь к ее низкому, вкрадчивому голосу.)

КАМОВ *(вешая пиджак на стул и вытирая пот со лба)*. Слушай! Я все хочу спросить тебя! Как там Миша Ветров? Помнится, он уезжал куда-то на Север, потом вернулся!

ДЕНИЧ *(вздрагивает, пристально глядя на Камова)*. Ну, наконец-то вспомнил!

КАМОВ *(словно не слыша)*. Вначале, я слышал, он преуспевал! Потом как-то нелепо и неожиданно все оборвал и исчез! Говорили, он страшно опустился!

ДЕНИЧ *(с мрачной иронией)*. Униженные, да возвысятся!

КАМОВ. О чем ты, Саша?

ДЕНИЧ *(горько)*. Ах! Если бы унижение возвышало, каждый бы стремился к нему, чтобы обрести величие!

КАМОВ *(с легкой иронией)*. Ты всегда стремился к философским обобщениям! Припоминаю твое высказывание: «Сон – это смерть, а ленивый»... Как там дальше?

ДЕНИЧ. Сон – подобие смерти, поэтому ленивый и равнодушный умирает преждевременно и многократно! Китайская мудрость!

КАМОВ *(с усмешкой)*. А, вот, кстати, идет еще один философ! Мне сегодня везет на вашего брата!

(К столику подходит плохо выбритый субъект с мутноватым взглядом и останавливается рядом).

КАМОВ *(насмешливо)*. «Пантера!» Ты опять здесь?

Вот, Саша, позволь представить – «Пантера»! Не правда ли, звучный псевдоним! Поэт, критик, еще черти-что, но, увы, все в прошлом, а в настоящем мазохический исследователь ресторанных меню и дегустатор за чужой счет!

(«Пантера» церемонно кланяется.)

КАМОВ *(иронически)*. Вот, выпей, дорогой мой и ступай себе с Богом! Беседа с вашей светлой личностью не входит в нашу программу!

«ПАНТЕРА» *(залпом выпивает коньяк и, наклонившись к Деничу, скрипуче шелестит)*:

«Мертвечины наешься, ворон!
Струись рекой, живая кровь!
Кошмаров сон проходит скоро,
Но смертный страх задушит вновь!
Над черной бездной бытия
Не останятся мгновенья
И не прочтут нравоученья
Отцов кровавых сыновья!»

(Едва не повалив стул и многозначительно приложив палец к губам, исчезает.)

КАМОВ *(брезгливо проводив его взглядом)*. Кто постоянно сидит на мели, тот не утонет! *(Обернувшись к Деничу.)* Ты что-то хотел рассказать о Михаиле?

ДЕНИЧ *(судорожно выпивает коньяк и некоторое время молчит)*. После того, как полетела проклятая установка и погибли те двое, он уезжает на Север, но вскоре возвращается. Ирина бросила его сразу, разменяв квартиру и оставив Мишу в крохотной коммунальной клетушке. Но ему было на все наплевать. Целыми днями он сидел, запершись в своей затхлой каморке, перебирая трясущиеся руками яркие журнальные обложки. Сердобольная старушка-соседка готовила ему поесть, выкраивая крохи от продажи разных нехитрых поделок!

З А Н А В Е С

КАРТИНА 3-я

Маленькая каморка в «коммуналке». На сломанной табуретке сидит человек. Кутаясь в рваный халат и поеживаясь от холода, он что-то пишет в тетради. Это Михаил Ветров.

ВЕТРОВ (*задумчиво*). То, что происходило с нами много лет назад, кажется живым, вчерашним, близким! Кажется, его можно пощупать рукой! Вот оно совсем рядом! (*Встает и греет руки о батарею.*) А вчерашнее бесконечно далеко там, в прошлом! (*Включает радио: льется тихая грустная мелодия.*) Говорят, музыкой лечат болезни! Интересно, а можно ли болезнь переложить на музыку? (*Дрожащими руками наливает в стакан водки, морщась, выпивает и начинает листать тетрадь.*) Где начало? Так: «Когда бурная река выходит из берегов, она становится тихим болотом!» Господи! К чему это я записал? Ну да, конечно! Все о себе! Любящийся собой неудачник! Эдакий нарцисс наизнанку! Чепуха! Бред! Поток сознания себялюбца и эгоиста! (*Листает дальше.*) Но все это было до нее...в другой жизни! Нашел! Вот, начало! (*Бережно разглаживает страницы, затем взволнованно читает.*) 4 июня. Серое небо и черное солнце. Оно жжет, обжигая душу и иссушая мозг. Хочется пить, но встать и пойти на кухню невыносимо. Егоровна принесла новые журналы. Прочтут... потом... 5 июня. На обложке я вижу чудное лицо! Синие бездонные глаза! Они извлекают из тягостного небытия! Я где-то видел их, но где? Где? 6 июня. Вспомнил! Я видел их во сне много лет назад! Мне снилось, будто я иду по краю крыши, страшный ветер сбивает с ног, я отчаянно пытаюсь удержаться, но срываюсь и лечу... лечу, а внизу, из огромной черной пропасти на меня смотрят эти глаза! 11 июня. Это Виола Бертини – звезда итальянского кино! Моя звезда в ночи!...Я знаю, что делать, я напишу ей! (*Перелистывает несколько страниц.*) 10 июля. Не верю глазам своим! Этот смешной человечек с черной сумкой принес мне конверт! Итальянская марка! Итальянский штемпель! Написано

по русски! Боже мой! Это она! ОНА! *(Дрожащими руками гладит страницы.)* Не смею осквернить чудный стих ее письма в этих стенах... Разве только несколько строк...

(В другом конце сцены неслышно возникает Виолетта.)

ВИОЛЕТТА *(взволнованно)*. Синьор Михаэль! Мне кажется, Вы единственный увидели во мне не знаменитую актрису, не яркую женщину, а просто усталого и одинокого путника! Знаете, от Земли мы обретаем плоть, а от Солнца – душу! Его лучи – это наши пути в жизни! И только один, один из бесконечного числа лучей становится нашей судьбой!

ВЕТРОВ *(целует письмо, возбужденно ходит по сцене)*. Я сделал все, что она пожелала! Я послал ей свое фото! Этому грабителю-фотографу я отдал последние деньги! *(Достает фотографию и внимательно рассматривает.)* Да, он не обманул меня! Снимок превосходный – тонкое нервное лицо, глубокий взгляд, высокий лоб, но, ведь это я! Я! *(Подходит к зеркалу.)* И этот страшный монстр, тоже я! Нет, проклятое зеркало лжет! *(Замахивается, намереваясь разбить его, но в это время раздаётся звонок в дверь. Ветров идет открывать и возвращается с письмом. Руки его дрожат.)* Неужели это адресовано мне!? Нет! Нет! Прочь химеры! Но строки...строки!

(В углу сцены вновь возникает Виолетта.)

ВИОЛЕТТА *(ласково)*. Милый Михаэль! Именно таким я Вас себе представляла! Вы знаете, я видела Вас во сне много лет назад! Я бегу по краю обрыва, не могу удержаться, падаю вниз, отчаянно кричу! Но, кто-то подхватывает меня на руки и несет! И это были Вы!...Скоро фестиваль и я приеду к Вам!...

З А Н А В Е С

КАРТИНА 4-я

Театральный ресторан. За столиком сидят уже изрядно подвыпившие Камов и Денич. Сменивший на эстраде «томную ящерицу», затаенный в черное мужчина «бархатным» голосом поет о сказочных восточных странах, обещающих любовь и забвение. Часть сцены затемнена.

ДЕНИЧ (*крутит пальцами и бормочет*). Нет! Ни черта ты в Михаиле не понял!

КАМОВ (*заплетающимся языком*). ...Мы не поняли оба, Саша!

ДЕНИЧ (*не слушая его*). Это не высокомерие... нет! Это Великая гордость! Вот, что это такое! Самозабвенное, отчаянное равнодушие к собственной жизни! Он не победил? Может быть! Но и не проиграл! Он просто...

КАМОВ (*нетерпеливо перебивает*). Саша, не томи! Что было дальше?

ДЕНИЧ (*глядя в одну точку*). Дальше, ты говоришь! Так слушай же! (*Хочет себе налить, но передумывает.*)

Случилось это, где-то в начале сентября, около полудня. Старенький, дребезжащий звонок долго надсаживался в узком ущелье коридора. Старушка Егоровна находилась в больнице, а Михаил лежал ничком на грязном, жалком подобии одеяла, окруженный незримым облаком черных и мрачных видений! (*Решается налить и жадно выпивает.*) Синеглазая стройная женщина толкнула незапертую дверь квартиры и оказалась в захламленном и запыленном чреве московской «коммуналки». Ощупью, пробираясь мимо старых сундуков, рваных велосипедных камер, каких-то дырявых горшков, она приближалась к узкой полоске света, падающего сквозь неплотно прикрытую дверь. Она вошла!

(*Затемненная часть сцены освещается. Возникает Виолетта, а перед ней медленно поднимающийся*

с грязного одеяла, заросший, оборванный Ветров, с залитыми кровью, безумными глазами.)

ВИОЛЕТТА *(в отчаянии)*. МИ-ХА-ЭЛЬ! *(Гулкое эхо разносит ее крик по залу. Закрыв лицо руками, она убегает. Ветров простирает руки ей вслед и падает. Часть сцены вновь погружается во мрак.)*

КАМОВ *(протрезвев)*. А что же он?

ДЕНИЧ. *(Молчит!)*

КАМОВ *(истошно кричит)*. Говори! Что с Мишей?

ДЕНИЧ *(с трудом приподымается со стула, едва не стянув на пол тугую, накрахмаленную скатерть)*. Миша Ветров УМЕР той же ночью!!!

(Резко повернувшись, Денич направляется к двери, но бесстрастный голос радиодиктора за сценой заставляет его остановиться.)

ГОЛОС РАДИОДИКТОРА. Прослушайте информацию.

Как передает агентство «Лючия», вчера в окрестностях Милана, в результате автомобильной аварии погибла выдающаяся актриса итальянского и мирового кино, хорошо известная нашему зрителю Виолетта Бертини. ПРИЧИНА АВАРИИ НЕ УСТАНОВЛЕНА.

(Немая сцена.)

К О Н Е Ц

СОДЕРЖАНИЕ

МИРАЖИ АНТИОХА. Историческая повесть.....	3
ФИАСКО АНТИОХА. Исторический очерк.....	29
СМЕРТЬ ГАННИБАЛА. Эссе	38
НЕТЛЕННАЯ МУДРОСТЬ ЭПОСА. Эссе	45
ШОК. Одноактная пьеса в 4-х картинах	47

СОЮЗ ЛИТЕРАТОРОВ РОССИИ
Библиотека альманаха “СЛОВЕСНОСТЬ”

Борис Александрович Якубович
МИРАЖИ АНТИОХА

Проза, пьеса, исторический очерк, исследование

Книжная серия «Визитная карточка литератора»

Редактор — *Евгений Степанов*
Верстка — *Александр Стадник, Марина Кива*
Корректурa авторская

Бумага офсетная
Гарнитура Calibri
Тираж 100 экземпляров.
Сдано в набор 16.06.2012
Подписано в печать 28.06.2012

Издательство и типография
«Вест-Консалтинг»
109378, г. Москва, Есенинский бульвар,
д. 1/26, корп. 1, офис 34.
Тел. (495) 978 62 75